

Федор Шперк

с т а т ь и

о ч е р к и

п и с ь м а

*«Как печально,
что во мне так
много ненависти...»*

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 10(09)
ББК 87.3(2)6
Ш83

Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии
Т. В. Савиной

Предисловие *Джанкарло Баффо*

Шперк Ф.

Ш66 Как печально, что во мне так много ненависти... Статьи, очерки, письма / науч. ред. А. Н. Николюкин; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Т. В. Савиной. — СПб. : Алетейя, 2010. — 312 с.

ISBN 978-5-91419-381-9

В книгу включены статьи и философские произведения Федора Эдуардовича Шперка (1872–1897), русского литературного критика, философа и публициста, журналиста газеты «Новое Время», друга В. В. Розанова. В работах оригинально осмысливается состояние и развитие русской литературы, культуры и философской мысли на рубеже XIX–XX вв.

УДК 10(09)
ББК 87.3(2)6

Издание подготовлено по инициативе и на личные средства
Куприкова Юрия Евгеньевича

ISBN 978-5-91419-381-9

9 785914 193819

© Шперк Ф., 2010
© Савина Т.В., вступ. ст., коммент., 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

Джанкарло Баффо

СЕМЯ БЫТИЯ: ФЕДОР ЭДУАРДОВИЧ ШПЕРК

В своем фундаментальном жизнеописании Василия Розанова Валерий Фатеев упоминает весьма образную характеристику, данную Розановым своему безвестному молодому другу с использованием понятий, которые в рамках розановской философии имеют известный и показательный резонанс: исполненной таланта “силе рождения” немецко-русского критика и мыслителя, собеседника Розанова в первые годы его петербургской жизни, не доставало столь же мощной “силы рашения”, то есть интеллектуального развития, способного дать адекватное выражение того врожденного дара проникать в «корень вещей», которым, по мнению Розанова, был столь щедро одарен этот уникальный интеллектуал «нерусского покроя».

Более того, как добавляет сам Фатеев, если бы не знаменитый «нюх» Розанова на «потенциальность» (то есть, его способность угадывать на эмбриональном уровне талант в людях, составлявших его окружение) никто бы, вероятно, и не вспомнил сегодня о вкладе, внесенном Ф.Э.Шперком за свой недолгий век. Представляемая ныне вниманию читателей антология восполняет, таким образом, значительный пробел в историографии русской философской мысли конца девятнадцатого века, о котором хорошо известно розановедам и специалистам по культуре Серебряного века. Этот пробел был особенно болезнен для тех, кто живет за пределами России и кому до сих пор был фактически заказан доступ к творческому наследию этой уникальной фигуры русской философии – фигуры, и это следует сразу же отметить, мимо которой невозможно пройти при любой попытке аналитической реконструкции (свободной от историографических стереотипов, в течение многих десятилетий препятствовавших раскрытию эпохальной значимости розановской философии) ранних этапов формирования философской мысли Розанова. Без реконструкции этих этапов, зачастую драматических и противоречивых, наши знания и о его более поздних трудах, зрелых и широко известных, не могут претендовать на полноту.

В упомянутой выше книге В. Фатеев предупреждает о неизбежном разочаровании тех из своих читателей, кто, заинтересовавшись наследием Шперка, устремится на поиск в собраниях российских библиотек его разрозненных брошюр, на издание которых тот растратил все наследство своего отца – знаменитого врача и директора одного из первых научно-исследовательских институтов в России. С гипертрофированной самооценкой Шперка (полагавшего, что до

него философии не было, поскольку только он впервые постиг не что иное, как саму природу мира!) никак не вяжется, судя по опубликованным при жизни трактатам, полное отсутствие в них какой-либо оригинальности, при том, что лучшее из написанного им — как считал и Розанов — это ряд «коротеньких, но очень содержательных» критических заметок, опубликованных им в “Новом времени” с 1896 по 1897 год. П.П.Перцов высказал убеждение, что причину переоценки Шперка Розановым следует искать в том обстоятельстве, что Шперк был одним из первых почитателей Розанова накануне вступления последнего в “высший свет” петербургской интеллигенции, и таким образом отношения между ними, *mutatis mutandis*, воспроизводили схему знакомства Ницше и Брандеса — хотя, как признает Перцов, верно и то, что Розанов ценил Шперка и «потому, что в те смутные для него самого, и внутренне, и внешне, 90-е годы в одном этом юноше находил В.В. устремления, отвечавшие его собственным, еще неясным мыслям и впечатлениям, угадывал интересы, которые едва пробуждались в нем самом». Таким образом, В. Фатеев приходит к признанию того факта, что “настоящий” Розанов, которому суждено было вскоре занять одно из ключевых мест в мире русской культуры, в разработке тем, ставших характерными для его философского творчества, и, в первую очередь, тем пола и религии, по-видимому, не проделал бы того мыслительного пути, по которому мы его сегодня легко узнаем, без участливой и сочувственной поддержки его юного друга, с которым он мог «говорить обо всем» и который рассказывал ему, без всякого стеснения, «о случаях из половой жизни». Читая названия некоторых из упоминаемых В. Фатеевым статей Шперка, публиковавшихся на страницах “Школьного образования” начиная с 1894 года, нельзя не заметить аналогий с тематикой розановского творчества, причем в самых существенных аспектах его последующей рефлексии: от “вопроса о половой аномалии” и “психологии еврея” (как известно, Шперк был евреем со стороны матери) до космического “семени жизни”. Таким образом, вполне очевидно, что при всей герменевтической предосторожности, диктуемой нам более пристальным анализом взаимоотношений Шперка и Розанова (знавших свои этапы разногласий и противоречий, как блестяще и аргументировано доказано Татьяной Савиной во введении к настоящей книге), публикация в столь обширном объеме корпуса сочинений Шперка имеет для современного читателя исключительное значение: в русле розановского ренессанса, который за последние пятнадцать лет обрел всемирный характер, осмыслить философский дебют автора, который, будучи разочарован Professorenphilosophie русской академической науки, станет критиком *par excellence* всей дореволюционной культуры, никогда, впрочем, не забывая о кратковременной дани, отданной систематической

и «профессиональной» философии. Идея бытия как живущей тотальности, несводимой к мысли, как «космос», развивающийся из абсолюта подобно тому, как жизнь развивается из семени, в котором «разум и истина (...) подчинены высшему принципу реального, как сумма живущей данности, которое развивается во всепоглощающем процессе жизни и достигает интуиции в сознании» - уже была дана Розановым в его монументальном и незамеченном современниками трактате 1886 года «О понимании». В упомянутом трактате, говоря о разуме, понимаемом не как детерминирующая способность по отношению к реальности, а скорее как простое «потенциальное существование», Розанов писал: «Несомненно, что в семени растение еще не имеет реального существования, но также несомненно, что оно уже существует в нем потенциально со всеми своим будущими формами и отличительными признаками, родовыми и видовыми. Наконец, этот центр понимания есть потенция простая». В одном из последних опубликованных Шперком философских трактатов под названием «Диалектика бытия» (1897), мы находим определение абсолюта и космического процесса, которое полностью совпадает с идеей бытия, характерной для «раннего» Розанова, но выражено с большей определенностью натурфилософского типа (и в значительной степени романтической), которая станет определяющей для «зрелого» Розанова: «Мировой процесс (или эволюция космоса) аналогичен органическому процессу (или эволюции микрокосма). Организм вырастает из организма-элемента; мир развивается из мира-элемента. То, что соединяет в себе признаки организма и начала, мы называем семенем; то, что соединяет в себе признаки мира или всего, т.е. признак универсальности и признак начала, мы называем абсолютом. Абсолют есть всеначало или универсальное начало. И насколько организм развивается из семени, настолько космос развивается из абсолюта». Так, не без влияния Шперка, «семья», как образ проявления абсолюта через бесконечный жизнеутверждающий процесс (который, вопреки В. Соловьеву, не требовал ни для Шперка, ни для Розанова какого бы то ни было «оправдания») «стало [для Розанова] своего рода ключевым словом, определяющим и ведущим символом, столь рельефно проявившимся визуально в его последующих эротико-космических спекуляциях», неся в себе также идею безграничной материально-женственной потенции, которая станет в дальнейшем в равной степени важной в розановской рецепции эпохального мотива «вечно женственного» и в его критике учения о Софии, восходящего к православной традиции и переработанного мыслителями «русского религиозного возрождения». Как убедительно показал А.Н. Николюкин, после трактате «О понимании» Розанов намеревался написать столь же обширный трактат под названием «О потенциальности и роли ее в мире физическом

и человеческого», однако этому труду не было суждено увидеть свет, как из-за провала «О понимании», так и по причине множества забот, связанных со скитаниями по российской провинции в поисках места службы. Если в своем опубликованном труде Розанов занимался миром реальным, «видимым» и «сущим», и условиями его «познания», то в задуманном трактате молодой философ намеревался дать систематическое изложение учения о «потенции» как «невидимой и ... несущей форме», которая сосуществует с видимой реальностью: «Изучение переходов из потенциального мира в реальный, законов этого перехода и условий этого перехода, вообще всего, что в стадии перехода проявляется, наполняло мою мысль и воображение» . Если же учесть – как было пронизательно замечено – что на протяжении всей жизни «Спиноза оставался для Розанова одним из самых авторитетных философов» и при этом воспринимался им в качестве «квинтэссенции иудаистской мысли» , то сам собой напрашивается вывод, что и спинозианский фундаментальный монизм, столь характерный в дальнейшем для розановской “религии пола”, возник не без влияния его юного друга, который в 1893 году опубликовал брошюру под названием «Система Спинозы» , и в своих дальнейших философских эссе дополнил соловьевскую метафизику всеединства и славянофильское стремление к соборности «пафосом единения и слияния» , сформировав с опорой на категорию целостности своеобразное мировоззрение, в котором «церковная общность», восходящая к славянофильской традиции, приносится в жертву чистому измерению «веры», некоему внеконфессиональному объединительному мистицизму, который в конечном итоге разворачивает ницшеанский императив в сторону веры, и “Стань тем, кто ты есть!” превращается в “Реализуйся!”, в чем, по Шперку, и заключен “смысл творчества”. Что же касается проблемы творения и, еще шире, искусства как личной самореализации и парадоксального «искания Бога» во вполне современных рамках секуляризованного мира, впечатляет данная Шперком в его эстетике последовательность «мировых эпох»: ось Тургенев (прошлое) - Толстой (настоящее) - Достоевский (будущее) представляет собой поразительный аналог последующему прочтению Розановым на протяжении всего своего творческого пути великой русской культуры, начиная с «Легенды о Великом инквизиторе», в которой Тургенев предстанет как самый архаичный и библийский из поэтов, Толстой - как провидец формы, исполненной тотального реализма и лишенной всякой потенциальности, а Достоевский будет трактоваться как диагност стремительного органического становления жизни, непокорной форме, и пророк «бесформенности», в которой, по Розанову, и заключена тайна всего сущего и священного. Безусловно, концепция Шперка о “христианском стиле” искусства и культуры претерпела бы вскоре

с наступлением эпохи модерна настоящий шок, как в точности и произошло в середине 90-х годов с творчеством Розанова, когда подобный синтез в свете интенсивных размышлений о христианстве, в конце концов, представился ему невозможным в силу непоправимости раздирающего его дуализма. Несмотря на это, учение Шперка о неразрывной связи культуры и религии, священного и изобразительных форм, будет по-прежнему удивлять своей новизной, будучи предвестником «генеалогической» эволюции различных фундаментальных этапов современной западной мысли.

перевод с итальянского Юрия Куприкова

«ЧЕЛОВЕК НЕ РУССКОГО ПОКРОЯ...»

«Образ мыслей его трудно подвести под какую-нибудь готовую категорию; но всего правильнее было бы видеть в нем человека, типичный образец человека не русского покроя, но проникнувшегося духом истинно русской культуры и по свободному убеждению преклонившегося перед ее высшими началами».

Василий Розанов.¹

Особенный интерес к культурному наследию России дооктябрьского периода побуждает обратить внимание на работы тех мыслителей конца XIX века, которых отечественная история литературы и философии до недавнего времени игнорировала. «Литературные изгнанники», они искали иные пути прочтения русской классики и предлагали новые основы для интерпретации литературного текста.

Среди имен, в последнее время вернувшихся в исследовательское поле историков русской литературы, вызывает интерес творчество литературного критика и философа Федора Эдуардовича Шперка (1872–1897).

«Человек не русского покроя», как писал о нем В. В. Розанов, Федор Шперк по рождению был шведско-немецкого происхождения, но воспитанный в традициях русского подвижничества, имея перед собой характерный пример деятельности представителей своей семьи. Его деду, Фридриху Шперку и трем его сыновьям посвящены биографические справки в Словаре Брокгауза и Ефрона. Старшему, Францу Шперку (1835–1903), как врачу и участнику русско-турецкой войны, Эдуарду Шперку (1837–1894) — как врачу-венерологу и первому директору Института Экспериментальной медицины, Густаву Шперку (1845–1870) — как известному биологу, доценту Харьковского университета. Сам Федор Эдуардович Шперк упомянут в словаре как философ и литературный критик².

Род Шперков связан с Россией более двухсот лет. Они были выходцами из Швеции, осевшими в России в конце XVIII века. Первые достоверные сведения о семье Шперк относятся к 1836 году, когда вольнопрактикующий врач Фридрих Андреевич Шперк (1808 — 1858) представил прошение об определении на должность врача в Нежинские богоугодные заведения³. Позже Фридрих Шперк стал почетным членом Штетинского энтомологического общества и Московского общества естествоиспытателей, а также членом-корреспондентом Политико-экономического общества.

¹ Розанов В. В. Ф. Э. Шперк // Исторический Вестник. 1897. № 12. С. 56.

² Словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. 78. С. 828.

³ Государственный архив Черниговской области, ф.128, оп.1, д.3825. Л. 15.

Один из его сыновей, Эдуард Фридрихович Шперк, окончил Харьковский императорский университет, медицинский факультет по стипендии Министерства внутренних дел. По окончании учебы он был направлен на назначение МВД в Якутию, а позже — в Приамурский край, где проработал 10 лет, исследуя медико-топографические и социальные причины возникновения инфекционных эпидемий. Работы доктора Шперка были первыми в истории России исследованиями Приморья и Амурского края. За эти исследования он был удостоен степени доктора медицины⁴. Подобную работу в Якутии проводил в то же время его брат, Франц Фридрихович Шперк.

Э. Ф. Шперк активно участвовал в работе Общества охранения народного здоровья во главе с принцем А. П. Ольденбургским. В 1891 году Э. Ф. Шперк был назначен директором института Экспериментальной медицины.

Федор (Фридрих) Шперк родился 10 (22) апреля 1872 г. в Санкт-Петербурге, получил традиционное для выходца из лютеранской семьи образование. В 1889 году он окончил Петришуле и, по настоянию родителей, поступил в Петербургский университет, на юридический факультет, который оставил несколько лет спустя. Ко времени выхода из университета Шперк уже серьезно и подробно занимался философией и литературой, интересовался славянофильством как течением, наиболее близком к народу и «всему народному», искал «жизненность» в любом явлении литературы и искусства.

Автор ряда брошюр, в которых были сформулированы основные принципы его философской системы, Ф. Э. Шперк стал в 1895 г. сотрудником газеты «Новое Время», самого популярного и массового издания в России. Попасть на страницы «Нового Времени» было большой удачей для начинающего автора: успех газеты у читателей предопределял если не такой же успех, то внимание к автору статьи. Шперка привлекала возможность высказать свои мысли перед широкой аудиторией и получить на них отклик. По свидетельству В. В. Розанова, «Шперк ... говаривал: «Пока я не печатаюсь в «Новом Времени», я считаю, что я нигде не печатаюсь. Да и как иначе: все читают, все понимают, вся Россия слушает каждое мое слово, всякую мою мысль»⁵.

В течение недолгого (всего около двух лет) периода сотрудничества в газете «Новое Время» Ф. Шперк сумел пройти путь от начинающего журналиста до ведущего сотрудника критико-библиографического отдела. Начиная работать в рубрике «Книги за неделю» и «Библиографические новости», уже через год он получил и вел собственную рубрику «Из литературного дневника».

⁴ Формулярный список о службе директора Императорского института экспериментальной Медицины, доктора медицины, действительного статского советника Эдуарда Фридриховича Шперка от 5 июля 1899 г.

⁵ Розанов В. В. В Сахарне // Розанов В. В. Сахарна. Собр. соч. под ред. А. Н. Николюкина М., 2001. С. 232.

Первые публикации Шперка в «Новом Времени» представляли собой небольшие по объему рецензии в постоянном отделе критики и библиографии. Жанр рецензии позволял критику не только сообщить библиографические сведения о книге, но и дать ей краткую характеристику. При этом рецензии Шперка нередко граничили с критической статьей, поскольку касались не только предмета рецензии, но и затрагивали более широкие и достаточно злободневные литературные вопросы. Практически еженедельно в «Новом Времени» появлялись литературно-критические обзоры современной русской литературы и рецензии Ф.Э. Шперка, подписанные псевдонимами Апокриф, Ор, Ф.Ш. В круг рецензируемой литературы входили поэтические сборники В. Соловьёва, Д. Мережковского, Н. Минского, К. Фофанова, Л. Афанасьева, проза Ф. Сологуба, М. Крестовской, В. Немировича-Данченко, а так же характеристика целых течений и направлений, например, женской беллетристики, декадентской литературы, философских течений русской поэзии.

На 1895 — 1897 гг. приходится пик творчества Федора Шперка. Но свои последние работы он писал уже тяжело больным туберкулезом. 8 (20) октября 1897 г. в возрасте 25 лет Ф.Э. Шперк умер. Несмотря на то, что за несколько недель до смерти он крестился и принял православие, Федор Шперк был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге.

В современном литературоведении имя Федора Шперка прочно связано с личностью В.В. Розанова как образ-воспоминание, постоянно возникающее на страницах розановских книг «Уединенное», «Опавшие листья», «Сахарна», «Мимолетное», «Когда начальство ушло...», «Смертное», «Литературные изгнанники» и «Из старых писем. Письма В. Серг. Соловьёва». Как о самостоятельной фигуре философской и литературной жизни Петербурга конца XIX века, специальных исследований о Федоре Шперке нет. Это объясняется его ранней смертью, что привело к тому, что как критик он не успел стать известным широкому кругу читателей и, соответственно, исследователям истории русской литературы

Краткий биографический очерк о Федоре Шперке (и самый подробный) появился в виде некролога в «Русском Обозрении», подписанного В. Розановым⁶. В Словаре Брокгауза и Эфрона имеется небольшая, в пять строчек, справка о Федоре Шперке, а справочные издания советского времени сведений о критике уже не предлагают.

Однако существует ряд работ, в которых в той или иной степени затрагивается ряд аспектов творчества Ф.Э. Шперка, но не как самостоятельной фигуры. В исследованиях, посвященных философии В.С. Соловьёва,

⁶ В.В. Розанов написал три некролога на смерть Ф. Шперка. См.: Исторический Вестник. СПб., 1897. № 12; Русское Обозрение. СПб., 1897. Т. 48; Новое Время. 1897. № 7769.

Ф.Э. Шперк, несмотря на явное созвучие его идей идеям философии всеединства, получил репутацию соловьевского недоброжелателя и чуть ли не противника. В комментариях к двухтомному собранию сочинений В.С. Соловьёва, рецензия Ф.Э. Шперка на книгу «Оправдание добра» бездоказательно рассматривается как пасквиль, написанный в «фельетонном» стиле⁷.

Ряд современных исследователей истории философии (К.Г. Исупов, А.В. Демичев) причисляет Ф.Э. Шперка, наряду с Н.Ф. Фёдоровым, Л.П. Карсавиным, С.Н. Булгаковым, к представителям русской философской танатологии, имея в виду его работу «О страхе смерти и принципе жизни» (1894). Это одна из немногих попыток определить место Ф.Э. Шперка в духовной и литературной жизни конца XIX века, хотя и без анализа основных положений его мировоззренческой позиции⁸.

Лишь в последнее десятилетие, в связи с усиленным вниманием к творчеству В.В. Розанова, имя Ф.Э. Шперка, как литератора розановского окружения и сотрудника газеты «Новое Время», стало появляться в исследованиях⁹. В начале 1990-х годов сложился круг литературоведов, занимающихся жизнеописанием, литературным и философским наследием В.В. Розанова: И.А. Едошина, А.Н. Николюкин, В.Г. Сукач, В.А. Фатеев, С.Р. Федякин и др. Но большинство исследователей не обращается к наследию самого Ф.Э. Шперка, ограничиваясь изучением его отношений с В.В. Розановым.

Определенную попытку анализа философско-эстетических взглядов Ф.Э. Шперка как важной фигуры первого петербургского периода жизни В.В. Розанова предпринял В.А. Фатеев¹⁰. Автор рассматривает личность Ф.Э. Шперка в контексте жизни и творчества В.В. Розанова, как человека, определенным образом повлиявшего на развитие некоторых розановских идей, таких как интерес к теме пола и связи пола и религии.

В.Г. Сукач в комментариях к «Уединенному»¹¹ также пишет о Ф.Э. Шперке только как о младшем друге В.В. Розанова, сообщая малоизвестные факты из жизни Ф.Э. Шперка и подробности его отношений с семьей В.В. Розанова. Нужно отдать должное В.Г. Сукачу, который одним из

⁷ Соловьёв В. Сочинения. В 2-х томах. Примечания С.Л. Кравца и Н.А. Кормина. М., 1988. Т. 1. С. 834.

⁸ Фигуры Танатоса: Искусство умирания. Сб. ст. под ред. А.В. Демичева, М.С. Уварова. СПб., 1998. С. 51–57.

⁹ См., например, Розановская энциклопедия. Под ред. А.Н. Николюкина. М. 2008. С. 1188–1191; Русская философия. Энциклопедия. Под ред. М.А. Маслина. М. 2007. С. 701–702; Савина Т.В. «Душа есть страсть...» Метафизика пола в философии В.В. Розанова и Ф.Э. Шперка. // Вопросы философии. 2007, № 12, С. 114–123.

¹⁰ Фатеев. В. А. С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова. СПб. — Кострома, 2002.

¹¹ Розанов В. Уединенное. Подготовка текста и комментарии В.Г. Сукача. М. 2002.

первых исследователей вводит в научный оборот до сих пор не исследованную переписку Василия Розанова и Федора Шперка¹².

В исследовании А. Н. Николюкина Ф. Шперк, как часто упоминаемое имя из «Уединенного», больше интересен автору в качестве примера собственно розановской меры отсчета таланта других писателей, которая не укладывалась в общепринятую¹³, поэтому вопрос о взаимовлиянии В. В. Розанова и Ф. Э. Шперка исследователем не затрагивается.

В ряде других современных исследований наследия В. В. Розанова Ф. Э. Шперк упоминается либо просто как фигура розановского окружения, либо как посредник при личном знакомстве В. В. Розанова с В. С. Соловьёвым и Д. М. Мережковским и З. Н. Гиппиус¹⁴.

В совершенно особом ракурсе Ф. Э. Шперк рассматривается в работах В. Б. Шкловского¹⁵ и А. Д. Синавского¹⁶, но он интересовал исследователей не как философ или литературный критик розановского окружения, а как «образ-троп» (у В. Б. Шкловского) и как образ-символ (у А. Д. Синавского) в «Уединенном» и «Опавших листьях».

Говоря о создании В. В. Розановым в «Уединенном» «образов-тропов», В. Б. Шкловский в качестве примера описывает механизм введения в текст «темы Шперка» и ее дальнейшее функционирование в качестве образа. В рамках формалистической школы, В. Б. Шкловский не видел за созданием «образов-тропов» ничего, кроме приема. А. Д. Синавский, который также писал о Шперке не как о реально-историческом лице, а как об «образе-символе» в «Уединенном» и «Опавших листьях», в отличие от В. Б. Шкловского, интерпретировал образ Шперка не как просто прием, но оформленную тему смерти и бессмертия в розановских текстах.

Таким образом, хотя изучение творчества Ф. Э. Шперка специально не осуществлялось, в результате в научный оборот введены сведения преимущественно биографического характера, что позволяет сделать вывод об исследовании Ф. Э. Шперка как фигуры только розановского окружения, зачастую на основании случайных и разрозненных источников. Вне поля зрения исследователей остались почти все ключевые вопросы творчества Ф. Э. Шперка как критика философско-религиозного направления, в первую очередь его новаторская концепция «христианского стиля» русской литературы, а изучение Ф. Э. Шперка в «конвое» В. В. Розанова не ставило вопрос о механизме создания и функционирования в розановских

¹² Сукач В. Г. Жизнь Василия Васильевича Розанова «как она есть» // Москва. 1992. № 2–4. С. 126.

¹³ Николюкин А. Н. Голгофа Василия Розанова. М., 1998. С. 173.

¹⁴ См., например, сб. статей «Василий Розанов в контексте культуры». Кострома, 2000.

¹⁵ Шкловский В. Б. Розанов. // Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М., 1990. С. 120–139.

¹⁶ Синавский А. Д. «Опавшие листья» В. В. Розанова. Париж, 1982. С. 202–246.

текстах четко оформленной темы Шперка, имеющей особое значение для понимания природы розановского субъективизма.

В 2001 г. в издательстве Новосибирского государственного университета был опубликован небольшой сборник работ Ф. Э. Шперка, содержащий преимущественно его литературно-критические статьи¹⁷. Настоящая книга представляет собой кардинально переработанное и существенно дополненное издание, включающее практически все литературно-критические статьи, философские сочинения и сохранившуюся переписку Ф. Э. Шперка. В отличие от традиционной публикации первоисточников книга разделена на главы, состоящие из аналитического предисловия и собственно документальной части. В дополнение к публикациям Ф. Э. Шперка в сборник включены полемические отклики В. В. Розанова, В. С. Соловьева, А. С. Суворина, П. П. Перцова, Э. Голлербаха, В. Я. Брюсова и др., что дает возможность рассматривать творчество Ф. Э. Шперка в общем контексте литературы конца XIX в.

Составитель признателен всем друзьям и коллегам, оказавшим помощь при подготовке этой книги:

Александру Николаевичу Николюкину за многолетнюю поддержку и участие;

Виктору Григорьевичу Сукачу, Валерию Александровичу Фатееву, Сергею Романовичу Федякину и Валерию Владимировичу Мароши за ценные советы и авторитетные консультации.

Особенная благодарность внучке Ф. Э. Шперка — Флоре Венедиктовне Костроминой и Сергею Костромину за предоставленные редкие фотографии и документы из семейного архива.

Отдельное спасибо Юрию Куприкову за его бескорыстную помощь.

¹⁷ Федор Эдуардович Шперк. Литературная критика / Сост. Т. В. Савина. Новосибирск, 2001.